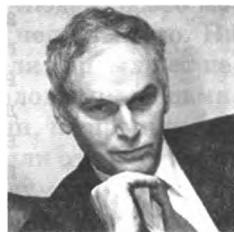

О жизни и о себе

ИНТЕРВЬЮ С НИКОЛАЕМ ДМИТРИЕВИЧЕМ НИКАНДРОВЫМ

Никандров Николай Дмитриевич родился 20 октября 1936 года. Доктор педагогических наук, профессор, действительный член АПН СССР (избран в 1990 году), действительный член Российской академии образования (с 1992 года); состоит в Отделении философии образования и теоретической педагогики РАО, вице-президент РАО (1992–1997), президент РАО (с 1997 года).

Кто был Вашим значимым учителем?

Это вопрос для меня очень непростой по одной очень простой причине. Было много людей, которых я мог бы назвать своими учителями. Я имею в виду не школьный возраст, а уже послешкольный. Но их роль очень неравная. Я бы, пожалуй, особо выделил Зинаиду Николаевну Зикееву. Она работала вместе со мной на кафедре и много раз говорила мне, что я теряю время, делаю не то, что надо, и засохну, если не буду сдавать кандидатский минимум, защищать диссертацию, а таких мыслей у меня раньше не было.

Мама меня всегда ориентировала на учение, но все-таки в рамках семьи я не мог определить себе должность будущего доцента, профессора, академика, президента – это было для меня очень далеко. И вот эта женщина, доцент кафедры иностранных языков, не раз ругала меня за то, что я задержался в своем научном развитии. Я по ее инициативе и по ее настоянию сдал кандидатский минимум, но даже тогда я не был уверен, что мне стоит заниматься наукой. И поэтому она сказала мне, что больше ей нечего мне посоветовать, но есть одна старая учительница – профессор Евгения Иосифовна Рубинштейн, которая, наверное, посоветует мне что-то лучшее.

Евгения Иосифовна занималась зарубежной и русской историей педагогики. Узнав, что я знаю несколь-

ко языков, она встречает меня в своей квартире и говорит со мной по-немецки. Немецкий она знала лучше меня, говорит: «Пожалуйста, входите». Потом переходит на французский, который я знал лучше, потом на английский, в нем я тоже был более силен, а потом мы говорили о том, чем заниматься. Она говорит, надо заниматься Руссо. Обсудим план диссертации. Но уже в дверях, когда я уходил, она сказала: «Ну зачем вам заниматься Руссо? Я же старуха, я ничего не могу вам посоветовать. Но вот есть коллега на кафедре, который вам посоветует – Георгий Александрович Самарин». Он посоветовал заняться мне программированным обучением, поскольку я интересовался высшей математикой, зарубежным программированным обучением, зарубежной дидактикой. Эта тема меня заинтересовала, и все пошло достаточно быстро. Получается, что каждый из этих людей сыграл свою роль. Кто-то сказал: «Я ничего не могу посоветовать», и этим помог найти другого человека. Были и другие... Одно единственного учителя не могу выделить.

Вы удовлетворены своей карьерой?

Я бы сказал, что да. Хотя всерьез о карьере администратора и ученого я не думал. Вот с того времени, когда судьба свела меня с Г.А. Самариним, мне уже захотелось быть преподавателем, профессором, доктором наук. Выше я не смотрел. Никто от меня не слышал, что «это мне не нужно». Я этого хотел. А карьера администратора началась со случайного повышения в должность заведующего кафедрой из-за смерти того самого Г.А. Самарина. Ректор по каким-то причинам выбрал меня, и я исполнял обязанности заведующего кафедрой педагогики высшей школы – первой кафедрой такого рода в стране. Потом был деканом факультета повышения квалификации, но и тогда я об административной карьере думал мало. В этой области все во многом получалось случайно. По крайней мере – субъективно случайно. Но вот когда я стал заведующим лабораторией в Москве, вот тогда уже я задумался о том, что хорошо было бы быть директором или зам. директора. Но выше опять же не смотрел. Так что сейчас я своей карьерой доволен, если учесть те моменты, которые были сказаны выше. То есть не было изначальных планов на много лет вперед.

Каково состояние Вашей души на данный момент?

Одним словом определить трудно. Состояние хорошее. Но, конечно, лучше заниматься тем, чем я занимаюсь сейчас, в более молодом возрасте. Здоровье меня не подводит, но чем больше работаю, тем четче по-

нимаю, насколько многообразна ответственность и дела, которые надо бы делать в возрасте 45 лет, может, еще раньше. С другой стороны, когда от тебя зависит положение и благосостояние многих людей, особо молодым эту должность предоставлять неправильно. Ни Гайдар, ни Чубайс не были хороши для первых лет перестройки. Они были настолько молодыми людьми, что ничего практически еще не видели, не прочувствовали. О жалости к людям, которые были отброшены на обочину жизни, они не думали. Не думали просто по молодости лет, а не потому что были какие-то особенные. Так что в этом плане есть определенный возраст, который можно считать подходящим. В общем, возвращаясь к вопросу, субъективное мироощущение у меня сейчас хорошее. Есть проблемы, есть неприятности, но это необходимый элемент работы, которую я в общем с удовольствием выполняю.

Ваши планы на будущее?

Личные

Я бы сказал, продолжать в том же духе. Мне быть президентом еще больше года, и я надеюсь действовать так, как я действую сейчас, а мои действия были одобрены большинством, хорошим таким большинством. Это показало, что я действовал правильно, и я хотел бы продолжать в том же духе.

Научные планы

У меня закончен учебник по педагогике, переиздана монография «Образовательное пространство России: проблемы интеграции» (М., 2004. Соавторы: Бондырева С.К., Кураков Л.П., Лиферов А.В.). Мы получили президентскую премию за эту книгу. Кое-что изменилось, где-то, но не радикально, я поменял свою точку зрения, и хотелось бы эти изменения отразить.

Ваша семья

Никаких особых планов нет. Разводиться или заводить новых детей я не собираюсь. Внуки – они родятся сами по себе. Но мне хотелось бы, чтобы было время на досуг – на музыку и другие вещи, которые доставляют удовольствие. Если всестороннего развития личности достичь не удастся, то хочется хотя бы двигаться в этом направлении, главное, чтобы хватило времени.

Ваше отношение к родителям и предкам?

Очень уважительное и любовное, хотя следует заметить, что не так много о них знаю. Первых своих предков могу назвать лишь с первой четверти XIX ве-

ка. Сначала были крепостные крестьяне, по материнской линии шло духовенство, и единственный, о ком я знаю достаточно хорошо, хотя никогда с ним не встречался, это мой грузинский дед, Николай Иванович, который был православным священником. Отца своего я практически не знаю, поскольку он ушел в финскую войну, без демобилизации попал на Великую отечественную войну и в 1944 году был убит во время Ленинградской блокады. Я его так никогда и не увидел. Мама моя была медсестрой, она была культурной женщиной, хотя у нее было среднее специальное образование. Она меня любила, и я платил ей тем же.

Ваше отношение к детям и внукам?

У меня сын, уже вполне взрослый человек, ему 36 лет. С ним бывает немало проблем. Есть такая поговорка, «маленькие детки – маленькие бедки, большие детки – большие бедки». У нас много споров в отношении того, чем ему стоит заниматься, а чем не стоит. Но в отношении «как» заниматься, я пытаюсь не вмешиваться в его дела. Я его, конечно, очень люблю. У меня двое внуков, которые, к сожалению, живут в Петербурге. Я их очень люблю, но по объективным причинам не могу уделять им столько внимания, сколько хотелось бы.

В чем смысл Вашей жизни?

Это очень сложный вопрос. Поскольку я не философ, то с философским прицелом ответить не могу. Но в плане человеческого ... вот я совсем недавно был в Кельне, иду по улице и вижу мемориальную доску на старой гимназии, на которой написано «святой московский доктор», которого звали Хаас. Он был врачом, во многом преуспел, стал очень хорошим врачом, а потом сознательно вышел на особую стезю, став главным врачом российских тюрем. Все свое добро раздал бедным, был похоронен на казенном кладбище, потому что к концу жизни оказался совсем нищим. Его идеалом были слова, которые написаны на этой мемориальной доске: «Спешите делать добро». Вот я в той мере, в которой это от меня зависит, пытаюсь делать добро.

К каким добродетелям Вы относитесь с наибольшим уважением?

К добродетелям в самых разных его проявлениях.

К какому пороку относитесь с наименьшим снисхождением?

К подлости. Это точно.

Ваше любимое занятие?

Их много, я уже говорил. Без чего я ни одного дня жить не могу, так это музыка, хотя я, к сожалению, не

играю ни на одном музыкальном инструменте, я люблю слушать музыку, петь на разных языках.

Если бы Вы были всемогущим волшебником, что бы Вы сделали?

Для себя?

Вернулся бы на несколько десятилетий назад, сохранив то, что имею сейчас. Но не в материальном смысле, а чтобы голова работала так, как работает сейчас.

Для близких?

Спросил, что для них счастье, и постарался бы сделать это.

Для своей деятельности?

Организовал бы больше времени на научную работу и досуг.

